

**«НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ БЕЗ НАДЕЖДЫ»:
МИФ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ СТОЙКОСТЬ
В «РАКОВИНЕ АНАТАЯ» КАРЛО СГОРЛОНА**

А. Лорети

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; loreti_a@yahoo.it

Э. Меттини

РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия; mettini_e@rsmu.ru

Е.А. Нотина

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; notina-ea@rudn.ru

И.А. Быкова

РУДН имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; bykova-ia@rudn.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу романа Карло Сгорлона «Раковина Анатая», исследующего опыт фриульских рабочих-мигрантов, участвовавших в строительстве Транссибирской магистрали в Забайкалье. Основное внимание уделяется экзистенциальным аспектам жизни в изгнании, психологическим стратегиям преодоления отчуждения и тоски по родине, а также символическим отношениям, складывающимся между мигрантами и местными жителями — такими же перемещенными лицами. Через детализированную типологию персонажей Сгорлон раскрывает многогранность человеческой стойкости. Центральным объединяющим символом выступает мифопоэтическое пространство дома Анатая и Айдым, которое становится духовным якорем для мигрантов, и загадочная раковина — артефакт, олицетворяющий надежду и связь с метафизическим измерением сибирской тайги. Делается вывод о том, что роман представляет собой не только историческое свидетельство, но и универсальное размышление о цене прогресса, смысле труда и необходимости надежды в условиях крайней изоляции.

Ключевые слова: Карло Сгорлон; мифопоэтика; ностальгия; изгнание; Сибирь в литературе; Транссибирская магистраль; человеческая стойкость; экзистенциальная проза; фриульская эмиграция

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-13

Для цитирования: Лорети А., Меттини Э., Нотина Е.А., Быкова И.А. «Нельзя жить без надежды»: миф и человеческая стойкость в «Раковине Анатая» Карло Сгорлона // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2026. № 3. С. 165–176.

“YOU CAN’T LIVE WITHOUT HOPE”: MYTH AND HUMAN RESILIENCE IN CARLO SGORLON’S *LA CONCHIGLIA DI ANATAJ*

Angelo Loreti

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
loreti_a@yahoo.it

Emiliano Mettini

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia;
mettini_e@rsmu.ru

Elena A. Notina

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
notina-ea@rudn.ru

Irina A. Bykova

Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
bykova-ia@rudn.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of Carlo Sgorlon’s novel *La conchiglia di Anataj* (“The Shell of Anataj”), which explores the experience of Friulian migrant workers involved in the construction of the Trans-Siberian Railway in Transbaikalia. The main focus is on the existential aspects of life in exile, the psychological strategies for overcoming alienation and homesickness, and the symbolic relationships that develop between the migrants and the local inhabitants — themselves displaced persons. Through a detailed typology of characters, Sgorlon reveals the multifaceted nature of human resilience. The central unifying symbol is the mythopoetic space of the house of Anataj and Aydym, which becomes a spiritual anchor for the migrants, and the mysterious shell — an artifact embodying hope and a connection to the metaphysical dimension of the Siberian taiga. It is concluded that the novel is not only a historical testimony but also a universal reflection on the price of progress, the meaning of labor, and the necessity of hope in conditions of extreme isolation.

Keywords: Carlo Sgorlon; mythopoetics; nostalgia; banishment; Siberia in literature; Trans-Siberian Railway; human resilience; existential prose; Friulian emigration

For citation: Loreti A., Mettini E., Notina E.A., Bykova I.A. (2026) “You Can’t Live Without Hope”: Myth and Human Resilience in Carlo Sgorlon’s *La conchiglia di Anataj*. *Lomonosov Philology Journal*. no. 3, pp. 165–176.

Творчество итальянского писателя Карло Сгорлона (1933–2009) — значительное явление в литературе XX века. В центре его произведений находятся историческая память, миф и судьба «маленького

человека» в водовороте глобальных событий. Его роман «Раковина Анатая» («La conchiglia di Anataj»), опубликованный в 1983 г., посвященный участию фриульских рабочих в строительстве Транссибирской магистрали, выходит за рамки исторической хроники, превращаясь в глубокое экзистенциальное и антропологическое исследование. Сам Сгорлон осознавал себя преемником древней традиции сказителей, считая, что, записывая устно переданные истории, писатель, в том числе в современную эпоху, отвечает «неискоренимой потребности человека в устном повествовании» [Sgorlon 2008]¹. Основная цель его творчества заключается в стремлении «заново мифологизировать мир» («rimitizzare il mondo») [Sgorlon 1973: 195], чтобы вернуть современному человеку способность воспринимать жизнь через призму фантазии и поэзии.

По собственному признанию Карло Сгорлона, центральной темой его романов является ощущение чуждости в мире, которое испытывают его персонажи. Они чувствуют себя чужаками и на родине, будучи «людьми границы» [Sgorlon 2008: 101] — не только в географическом, но и в философском, этическом и экзистенциальном смысле. Эта концепция глубоко созвучна положению современного человека, который, по словам Алиберти, подобен «аполиду-пилигриму» [Aliberti 2003: 71], вырванному из почвы памяти и уверенности и оказавшемуся на краю духовной пустоты, лишенной надежды на возвращение к прежним ценностям и спасение. Согласно концепции Сгорлона, человеческое существование — это вечное странствие в изменчивом мире, где настоящее практически неуловимо, а главными движущими силами выступают «тоска по прошлому и надежда на будущее» [Damiani 1979: 16]. По мнению Д. Фазоли, единственный способ вновь обрести жизненные ориентиры — это обращение к мифам и архетипам как к «компасам бессознательного» [Fasoli 2006]. Именно этот путь, определяемый Бенусси как «путь эпического крестьянского типа» [Benussi 2010], и избирает Сгорлон, ориентируясь на простоту крестьянской модели мира.

Цель статьи — проанализировать художественные стратегии осмысления опыта миграции и человеческой стойкости в экстремальных условиях сибирской тайги в романе «Раковина Анатая». Через призму типологии персонажей, анализа ключевых мифопоэтических образов (раковины, дома, железной дороги) и исследования взаимодействия между мигрантами и местным сообществом мы проследим, как автор создает универсальное повествование. Это

¹ Далее роман цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

повествование пронизано лейтмотивом надежды (слово «надежда» встречается в тексте почти 50 раз) и обращается к фундаментальным темам смысла труда и поиска идентичности в ситуации экзистенциального отчуждения и изгнания.

Актуальность работы заключается в обращении к вечным вопросам человеческого бытия, которые остаются ключевыми в контексте современных дискуссий о миграции, культурной памяти и цене технологического прогресса. Тема истории фриульских эмигрантов в Сибири получила освещение в российской науке, в частности в монографии Э. Каменщиковой «Итальянцы на берегах Байкала», изданной в Иркутске в 2003 г. В Италии С. Минокки опубликовал в 1933 г. письма и документы об итальянцах, участвовавших в строительстве Забайкальского участка железной дороги, а А. Контардо написала свою дипломную работу в 2015 г. под названием «Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana».

Сюжет и исторический контекст

«Раковина Анатая» повествует о судьбе группы фриульских рабочих, принявших решение отправиться в сибирскую глубинку — село Кирковск. Целью их переезда стало участие в масштабном инфраструктурном проекте — строительстве моста для Забайкальского участка железной дороги. Основной движущей силой сюжета является фигура главного героя, Валериано. Именно он, под влиянием разговоров о грандиозных замыслах императора Александра III, проникся идеей соединить железнодорожным полотном самые отдаленные уголки Сибири и, движимый жаждой открытий, инициировал эту трудную эмиграцию.

Повествование акцентирует внимание на экстремальных условиях труда на восточном берегу озера Байкал. Строительство велось в условиях географического вакуума, «с чистого листа» — на территориях, лишенных даже элементарной сети грунтовых дорог, что символизировало собой поступательное освоение и «приручение» дикой сибирской природы. Интерес Сгорлона к Сибири и фриульской эмиграции был обусловлен как архаическими, почти генетическими связями Фриули со славянским миром, так и историческим фактом участия примерно четырехсот фриульских рабочих в строительстве Транссиба — грандиозного проекта, для реализации которого Российской империи пришлось привлечь иностранных рабочих и инженеров из-за нехватки собственных квалифицированных кадров.

Экзистенциальное измерение труда и изгнания

Повседневная жизнь и душевное состояние фриульских рабочих в Сибири всецело зависели от хода строительства железной дороги. Их надежды напрямую связывались с успехами или задержками проекта. Остановка работ и противоречивые приказы начальства порождали глубокую тревогу, выбивая из колеи людей с техническим складом ума и вызывая чувство полного бесправия. Автор метафорически описывает их состояние: «их бросали туда-сюда, словно они не люди, а кусты или сухие листья» [Sgorlon 1983: 219]². Коллективное сознание характеризовалось чувством унижения от отношения к ним как к «вьючным животным» со стороны анонимных проектировщиков.

Однако Сгорлон показывает не только бесчеловечные условия, но и человеческое достоинство рабочих. Часто повторяющаяся формула — «фриульцы, карнийцы и кадорцы, но также киргизы, монголы и татары» — подчеркивает, что всех этих разных людей объединяла тоска по родине и мечта о возвращении. Это общее чувство подобно тихой похоронной песне, незримо звучавшей над их трудом, — «песне Сибири и тягот» (115), в основе которой лежала заветная мечта каждого вернуться на свою землю.

Именно в совместном труде эти люди, работая бок о бок, открывали для себя общую судьбу и причастность к чему-то великому, что объединяло их вне культурных различий. Опираясь на оценку Ф. Ламендолы, можем сказать, что труд у Сгорлона — это не просто сила, покоряющая препятствия, но и «искупительное начало», очищающее душу и возвращающее человека к его подлинной, благородной сущности, «точно так же, как у Вергилия (“*Labor omnia vincit / improbus*”))» [Lamendola 2015]. В отличие от марксистского понимания труда как эксплуатации, а также в отличие от античной традиции, где физический труд считался уделом рабов, у Сгорлона труд обретает библейское измерение — он становится средством искупления и очищения. Как отмечается в романе, герои ощущают «какую-то темную потребность» в труде, словно стремятся искупить неведомую вину и «восстановить исходное состояние» (58). Таким образом, труд осмысливается не как проклятие, а как путь к моральному возрождению. Эта концепция контрастирует с изображением труда в повести К. Кассолы «Рубка леса» («*Il taglio del bosco*»), где работа предстает средством отупения и бегства от боли, а не духовного очищения.

² Далее роман цитируется по этому изданию, номера страниц указываются в круглых скобках после цитаты.

Типология персонажей: стратегии выживания

Психологические портреты героев раскрывают различные грани человеческой стойкости, показывая, что выживание в Сибири возможно лишь через солидарность, надежду и смысл, обретаемый в труде. Каждый из персонажей романа демонстрирует уникальную экзистенциальную и поведенческую модель, определяемую отношением к труду и переживанием состояния изгнанничества. Одна из ключевых задач Сгорлона заключается в том, чтобы предложить читателю множественные интерпретационные ключи к пониманию того, каким образом его персонажи осмысляют свою жизнь вдали от родины. Все они предстают «оторванными от корней, вдали от всего, что могло бы смягчить или отдалить чувство быть чужеземцами и странниками на земле» (104).

Фигура Арриго, профессионального лесоруба, выстроена вокруг идеи труда как экзистенциального фундамента. Через его практические действия — организацию лесопилки и производство шпал — абстрактный проект железной дороги обретает плоть и кровь. Можно сказать, что именно труд Арриго позволяет дороге «родиться».

Сильвестро, в отличие от других рабочих, выступает в роли разочарованного скептика. Он не только отрицает преобразующую силу железной дороги, считая, что она пройдет через «жалкие деревни», но и видит в этом проекте внутреннее противоречие России, с недоумением вопрошая, какое безумие заставило страну «проснуться от векового сна» (172) для такой грандиозной работы.

Бастьяно представляет собой тип мигранта, разорванного между новой жизнью и тоской по дому и по жене. Его недоверчивость и молчаливость — симптомы глубокой внутренней боли, которую усугубляет мучительное чувство вины за измену. На работе эта боль трансформируется в слепую покорность, уходящую корнями в армейскую закалку.

Марко, самый молодой член группы, олицетворяет архетип юноши, полного энтузиазма. Его имя — отсылка к евангелисту Марку, покровителю Венеции, «врат на Восток», а также к Марко Поло, легендарному путешественнику, связавшему Европу и Азию. Это имя символизирует стремление к диалогу культур. Однако трагический инцидент, сделавший Марко хромым, знаменует крушение этой идеалистической мечты. Травма приводит героя к радикальному переосмыслению: он понимает, что не следовало поддаваться очарованию эмиграции и «покидать родной дом» (345). Таким образом, судьба Марко становится предзнаменованием трудной и болезненной судьбы самого проекта соединения России и Запада.

Валериано выступает в роли мудрого старца, становясь духовным стержнем коллектива. Будучи самым зрелым среди фриульских эмигрантов, «рабочим-философом», он вносит порядок и ясность в рациональную жизнь своих земляков, подобно тому, как материнская фигура Айдым наводит порядок в эмоциональной жизни чужаков, принимая их в своем доме и выслушивая их истории. Его стремление защищать своих уязвимых спутников-«странников» рождает «неожиданную экзистенциальную связь с киргизкой Айдым» [Contardo, 2015: 19], чья судьба оказывается созвучна его миссии.

В романе на него возложена роль рассказчика. Однако Валериано — не всезнающий нарратор. Он стал рассказчиком, потому что прежде всего научился слушать других: он узнаёт истории Айдым, Анатая, Кати, Фалалея из уст жителей деревни. Через их воспоминания он доносит до читателя слова отца Никанора, легенды о тайге. Он выслушивает всех и собирает в своем повествовании все элементы мозаики, никогда не занимая позиции мнимого морального или интеллектуального превосходства.

Этот подход делает его образ глубоко человеческим и подчеркивает одну из ключевых мыслей романа: понимание и единство рождаются не из доминирования, а из умения слышать и принимать Другого.

Мифопоэтическое пространство дома и роль местных жителей

Сгорлон выстраивает сложную социальную структуру, где важное место занимают связи между эмигрантами и местными. Но, что существенно, эти «местные» — киргизы и русская переселенка — сами чужды сибирской земле. Этот прием позволяет автору ярче высветить главную мысль: в изгнании фриульцы обретают опору в таких же, как они, странниках, сплываясь в сообщество «на основе схожести судеб» [Contardo 2015: 20]. Центральным объединяющим символом выступает мифопоэтическое пространство дома Анатая и Айдым, которое становится духовным якорем для мигрантов. Когда строительство железной дороги замирает в долгие зимние месяцы, именно этот дом превращается в спасительную гавань, удерживающую на грани безумия, напоминая об утраченной родине и обеспечивая жизненно важное ощущение собственной полезности и принадлежности.

Таким образом, дом становится не просто физическим укрытием, а сакральным центром, где стираются границы между «своими» и «чужими», а переселенцы из разных культур обретают новую форму духовного родства.

Ключевую роль в этом процессе также играет слепой мальчик Фалалей — архетипическая фигура сказителя и хранителя фольклора, чья слепота символически возводит его к образам античных аэдов и провидцев. Он олицетворяет устную культуру мифа, сказки и эпоса, утратившую свое место в современной цивилизации, ориентированной на визуальное. Несмотря на то, что Фалалей, будучи слепым, чувствует себя ненужным и даже помышляет о самоубийстве, именно через его слово мигранты соединяются с мифопоэтическим пространством Сибири. Благодаря ему и усилиям Валериано, эмигранты, по выражению Дж. Гедины, создают на чужбине «новую общину» [Ghedina, 2006: 44], чей мифический образ сливается с грандиозной стройкой, позволяя им обрести подобие родины.

Данные персонажи скрашивают суровость существования фриульцев, помогая им наполнить теплыми красками картину своего изгнания и привнося в их эпопею оттенок магии и легендарности.

Символика раковины и завершение эпопеи

Два ключевых символа романа — железная дорога и раковина — дополняют друг друга. Рабочие, независимо от происхождения, отождествляют свою жизнь с железной дорогой, испытывая глубокую гордость по завершении грандиозного труда. Железная дорога в мировой литературе — это символ нового времени, прогресса и скорости, разрушающих крестьянский и традиционный уклад жизни. Ее строительство в романе сопровождается сомнениями и тревогой, что находит отражение в частом употреблении слов с корнем «тём-/смур-» (наряду с лейтмотивом «надежды»). Ярким примером служат предостережения отца Никанора, который пророчил, что дорога положит конец всякой рассудительности и мудрому обычаю в деревнях. Однако в конечном счете побеждает надежда: герои верят, что их труд сделает Сибирь гостеприимнее для новых поколений, а Транссиб станет мостом между культурами, сближающим народы. Эти мысли звучат в итоговом размышлении героя: «Наше одиночество и наша усталость будут для чего-то полезны. Однажды и Сибирь станет менее суровой» (233).

Раковина же символизирует «магическую красоту и тайну бытия» [Maier 1983: XVIII], представляя собой поэтическое измерение жизни. Этот загадочный артефакт, хранившийся в доме Анатая, служил для фриульских рабочих символом надежды и связи с метафизической сущностью тайги. Это находит прямое соответствие в поэтике романа, ориентированной на эпос и сказку: его синтаксис отличается простотой, плавностью и ритмичностью, повторяющимися формулами.

Завершение многолетнего строительства ознаменовано торжественным прибытием первого поезда. После этого для мигрантов начинается ожидание возвращения на родину, поскольку царь дарует им «бесплатный проезд до границ России» (1983). Однако герой Валериано отказывается от репатриации, предпочитая остаться с Айдым, которая ухаживала за ним. На Айдым и Фалалея он проецирует образ утраченной жены и сына, принимая их в свою семью. Таким образом, Валериано выступает в роли «анти-Ангуиллы» [Lamendola 2015] — героя Павезе из романа «Луна и костры». Если Ангуилла, вернувшись на родину, не находит своих корней и остается с ощущением невозможности обрести утраченную идентичность, то путь Валериано и других персонажей Сгорлона, несмотря на все трудности, приводит их к возвращению в «великий жизненный поток своего народа» [Maier 1983: XIX], тем самым преодолевая пессимизм павезианского сюжета. Согласно данной концепции, часть каждого из нас — наше прошлое, наша культура — останется неизменной, ее не сметет ветер нового времени и скорость поезда. Меняются эпохи и правители, но земля, крестьянин и рабочий с их трудом и достоинством остаются. Ответом человека на катастрофу, хрупкость существования и боль является не громкий протест, а тихий труд: «Делать свое дело. Работать в тишине, ничего не ожидая взамен» (183). В этой фразе — характерная черта фриульского народа, способного переживать трагедии (вторжения, войны, землетрясения, отзвуки которых слышны и в этом романе) через молчаливую работу по восстановлению — как на своей земле, так и в любом уголке мира. В одном из финальных эпизодов романа главный герой приходит к выводу, что «Сибирь повсюду, что вся жизнь — это Сибирь» (281). Таким образом, Сибирь предстает не просто географическим местом или историко-политическим контекстом, а метафорой отчуждения и потерянности современного человека. Где бы он ни находился, человек чувствует себя одиноким, «чужим» — это состояние передается ключевым словосочетанием романа «*tal forest*», которое на фриульском диалекте в разных контекстах означает «чужбина», «заграница», «чужак». В романе Сгорлон намечает два пути преодоления состояния «*tal forest*». С одной стороны, это техническое решение: скорость поезда и тысячи километров железной дороги, которые соединяют народы и способствуют материальному процветанию. С другой стороны, это «медлительность» мудреца и дароносца, подобного царю-волхву из русской легенды, который странствовал по пустыням и горам, неся людям «добрую весть, сказку или диковинный рассказ» (119), скрашивающие суровую жизнь человека. Это путь поэта и самого автора «Раквины Анатая», понимающего, по замечанию Альберто Негри,

литературу «как акт любви и милосердия к людям, а не как способ борьбы с прошлым». [Negri 2010]. Это путь аэдов, сказителей, слепого Фалалея, чьи истории поддерживают жизнь в деревне и дарят детям мечты.

Роман Сгорлона представляет собой многогранное исследование человеческой стойкости в экстремальных условиях. Через противопоставление ключевых символов — железной дороги (коллективный долг, прогресс) и раковины (магическая красота бытия, надежда) — автор раскрывает диалектику внешнего действия и внутреннего смысла. Сгорлон создает не просто исторический нарратив, а глубокое философское высказывание. Мастерски показывая, как грандиозный инфраструктурный проект реализуется ценой колоссальных человеческих усилий и экзистенциальных сомнений, писатель, по замечанию Барбери Скварротти, придает повествованию эпическую торжественность. «Раковина Анатая» предстает размышлением о диалектике прогресса и человеческой цены» [Barberi, Squarotti 1995: 2], о встрече культур на почве общей судьбы. Ключевой мыслью романа становится идея о том, что даже в условиях крайней изоляции человек находит опору в надежде («нельзя жить без надежды» (288)), обретаемой через труд, солидарность и мифическую силу сказания, символически воплощенную в раковине, никогда не видевшей моря, но наделенной даром произносить загадочные пророчества, обращенные к сердцу каждого слушателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Каменщикова Э.* Итальянцы на берегах Байкала. Иркутск, 2003.
2. *Кассола К.* Рубка леса (Жена торговца) / Пер. с итал. Д. Розенталья, Л. Шаровой; ред. О. Плинка. М., 1958.
3. *Павезе Ч.* Прекрасное лето. Дьявол на холмах. Товарищ. Луна и костры / Пер. с итал. Н. Наумова, Л. Вершинина, Г. Брейтбурда. М., 1974.
4. *Aliberti C.* La narrativa di Carlo Sgorlon. Foggia, 2003.
5. *Barberi Squarotti G.* Il duca di Sgorlon idealista corrotto. 'Il costruttore': dal sud al nord per far fortuna // La Stampa — Tuttolibri. 1995. 9 dec. P. 2.
6. *Benussi C.* [Intervista] // Vita Nuova. 2010. 7 jan.
7. *Contardo A.* Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana. 2015.
8. *Damiani R.* Carlo Sgorlon narratore. Roma, 1979.
9. *Fasoli D.* Intervista a Carlo Sgorlon // Riflessioni.it. 2006. Feb.
10. *Ghedina J.I.* Mito, società e scrittura nell'universo romanzesco di Carlo Sgorlon. Udine, 2006.
11. *Lamendola F.* L'epos del lavoro e la vita come teleologia ne «La conchiglia di Anataj» di Carlo Sgorlon // Fides et Ratio. 2015. URL: <https://fides-et-ratio.it/2015/07/29/lepos-del-lavoro-e-la-vita-come-teleologia-nella-conchiglia-di-anataj-di-carlo-sgorlon/> (дата обращения: 15.09.2025).
12. *Maier B.* Introduzione // Sgorlon C. La conchiglia di Anataj. Milano, 1983. P. V–XX.
13. *Maier B.* Carlo Sgorlon. Firenze, 1984.

14. Minocchi S. *Gli italiani in Russia e in Siberia: lettere e documenti*. Firenze, 1933.
15. Negri L. Carlo Sgorlon, la fierezza e l'orgoglio di essere un conservatore // *Loccidentale*. 2010. URL: <https://loccidentale.it/carlo-sgorlon-la-fierezza-e-lorgoglio-di-essere-un-conservatore/> (дата обращения: 16.07.2025).
16. Sgorlon C. *Il trono di legno*. Milano, 1973.
17. Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983.
18. Sgorlon C. [Intervista] // *La Stampa*. 2008. 21 nov.
19. Sgorlon C. *La penna d'oro*. Asolo, 2008.

REFERENCES

1. Kamenshchikova E. *Ital'yantsy na beregakh Baykala* [Italians on Baykal Shores]. Irkutsk, 2003. (In Russ.)
2. Kassola K. *Rubka lesa (Zhena torgovtsa)* [Logging (The Merchant's Wife)] / Transl. by D. Rozentalya, L. Sharovoy; ed. by O. Plink. Moscow, 1958. (In Russ.)
3. Pavese C. *Prekrasnoye leto. D'yavol na kholmakh. Tovarishch. Luna i kostry* [A Beautiful Summer. The Devil on the Hills. The Moon and Bonfires] / Transl. by N. Nau-mova, L. Vershinina, G. Breytburda. Moscow, 1974. (In Russ.)
4. Aliberti C. *La narrativa di Carlo Sgorlon*. Foggia, 2003.
5. Barberi Squarotti G. Il duca di Sgorlon idealista corrotto. 'Il costruttore': dal sud al nord per far fortuna. *La Stampa — Tuttolibri*. 1995. 9 dec. P. 2.
6. Benussi C. [Intervista]. *Vita Nuova*. 2010. 7 jan.
7. Contardo A. *Un Episodio Poco Noto Dell'Emigrazione Friulana Di Fine Ottocento: La Costruzione Della Ferrovia Transiberiana*. 2015.
8. Damiani R. *Carlo Sgorlon narratore*. Roma, 1979.
9. Fasoli D. Intervista a Carlo Sgorlon. *Riflessioni.it*. 2006. Feb.
10. Ghedina J.I. *Mito, società e scrittura nell'universo romanzesco di Carlo Sgorlon*. Udine, 2006.
11. Lamendola F. L'epos del lavoro e la vita come teleologia ne «La conchiglia di Anataj» di Carlo Sgorlon. *Fides et Ratio*. 2015. URL: <https://fides-et-ratio.it/2015/07/29/le-pos-del-lavoro-e-la-vita-come-teleologia-nella-conchiglia-di-anataj-di-carlo-sgorlon/> (дата обращения: 15.09.2025).
12. Maier B. Introduzione. In: Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983. P. V–XX.
13. Maier B. *Carlo Sgorlon*. Firenze, 1984.
14. Minocchi S. *Gli italiani in Russia e in Siberia: lettere e documenti*. Firenze, 1933.
15. Negri L. Carlo Sgorlon, la fierezza e l'orgoglio di essere un conservatore. *Loccidentale*. 2010. URL: <https://loccidentale.it/carlo-sgorlon-la-fierezza-e-lorgoglio-di-essere-un-conservatore/> (дата обращения: 16.07.2025).
16. Sgorlon C. *Il trono di legno*. Milano, 1973.
17. Sgorlon C. *La conchiglia di Anataj*. Milano, 1983.
18. Sgorlon C. [Intervista]. *La Stampa*. 2008. 21 nov.
19. Sgorlon C. *La penna d'oro*. Asolo, 2008.

Поступила в редакцию 12.10.2025

Отредактирована 15.12.2025

Принята к публикации 21.04.2026

Received 12.10.2025

Revised 15.12.2025

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРАХ

Анджело Лорети — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; loreti_a@yahoo.it

Эмилиано Меттини — к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Института мировой медицины Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова; mettini_e@rsmu.ru

Елена Александровна Нотина — к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы; notina-ea@rudn.ru

Ирина Александровна Быкова — к.ф.н., профессор кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы; bykova-ia@rudn.ru

ABOUT THE AUTHORS

Angelo Loreti — PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); loreti_a@yahoo.it

Emiliano Mettini — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Institute of World Medicine, N.I. Pirogov Russian National Research Medical University; mettini_e@rsmu.ru

Elena A. Notina — PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); notina-ea@rudn.ru

Irina A. Bykova — PhD in Philology, Professor, Department of Foreign Languages, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); bykova-ia@rudn.ru